Информация для цитирования:

Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 361–372. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372.

Shchennikova L. V. Ponyatie veshchnogo prava v argumentatsii rossiyskikh tsivilistov [The Notion of Right in Rem in Reasoning of Russian Civilists]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 37. Pp. 361–372. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372.

УДК 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372

ПОНЯТИЕ ВЕЩНОГО ПРАВА В АРГУМЕНТАЦИИ РОССИЙСКИХ ЦИВИЛИСТОВ

Л. В. Щенникова

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права
Кубанский государственный университет

350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ORCID: 0000-0002-1972-2287

ResearcherID: H-3447-2016

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-461-466

e-mail: civil_law402@mail.ru

Введение: предложенное разработчиками проекта второго раздела ГК РФ определение субъективного вещного права и объективно возникший период ожидания его законодательного подтверждения создали как возможность, так и практическую необходимость его более детальной научной аргументации и проработки. **Цель:** создать собирательный портрет данной правовой конструкции, воплотив в нем все возможные, из описанных в российской гражданско-правовой литературе, нюансы ее понимания. **Методы:** были использованы как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования. Диалектический, сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический, лингвистический. **Результаты:** с учетом выделенных обобщенных характеристик вещного права сделан вывод о том, что предложенное разработчиками проекта второго раздела ГК РФ легальное определение нуждается в доработке. В том числе это касается характеристики объекта права, доказательств объективно присущего любому вещному праву «набора правомочий», а также отражения внешней его стороны или так называемой отрицательной обязанности. **Выводы:** эффективность применения правовой конструкции вещного права зависит от того, насколько точными и научно обоснованными являются его характеристики с необходимостью воплощенные в итоговое его определение. Доказывается, что вещное право специфично своим объектом и характеризуется внутренней и внешней связями, отражающими его содержание. Внутренняя связь является главенствующей, предоставляя субъекту непосредственную возможность удовлетворения потребности в вещи. При этом возможности лица здесь не облекаются в конкретные правомочия. Внешняя связь, опосредуя обязанности третьих лиц, должна быть обеспечена специальным гражданско-правовым регулированием, в том числе системой вещно-правовых исков.

Ключевые слова: субъективное гражданское право; вещное право; понятие субъективного вещного права; определение субъективного вещного права; цивилистика; гражданское законодательство

Information for citation:

Shchennikova L. V. Ponyatie veshchnogo prava v argumentatsii rossiyskikh tsivilistov [The Notion of Right in Rem in Reasoning of Russian Civilists]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 37. Pp. 361–372. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372.

UDC 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372

THE NOTION OF RIGHT IN REM IN REASONING OF RUSSIAN CIVILISTS

L. V. Shchennikova

Kuban State University

149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia

ORCID: 0000-0002-1972-2287

ResearcherID: H-3447-2016

Articles in “Scopus” / “Web of science”:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-461-466

e-mail: civil_law402@mail.ru

Introduction: the definition of right in rem as offered by the developers of the second section of the Civil Code of the Russian Federation and consequently the following expectation period of its legislative confirmation gave rise to both the possibility and practical necessity of the more detailed scientific reasoning and study. **Purpose:** to create a comprehensive image of the given legal framework comprising all the possible shades of its understanding as described in Russian civil law literature. **Methods:** both general scientific and specific scientific research methods were used, including dialectical, comparative-legal, historical, technical, and linguistic ones. **Results:** taking into consideration the generalized characteristics of the right in rem, it is concluded that the legal definition offered by the Civil Code of the Russian Federation needs further development. It should concern the nature of the purpose of the right, the proof of the set of powers inherent in any in rem right as well as the indication of the outer side hereof or the so-called negative obligation. **Conclusion:** the efficiency of application of the right in rem legal framework depends on the grade of accuracy and scientific validity of its characteristics as necessarily implemented into the final definition. It is proved that the right in rem is specific as to its object and can be characterized by the internal and external connections reflecting its content. The internal connection predominates over the external one, letting the party to a legal relationship an immediate opportunity to satisfy his or her demands for the res. The possibilities of the party do not take the form of the specific powers. The internal connection, mediating the obligations of the third parties, shall be provided with a special civil law regulation including the system of real actions.

Keywords: civil right; right in rem; real right; corporeal right; interest; estate; notion of right in rem; definition of right in rem; property law; civil law; civil legislation

THE NOTION OF RIGHT IN REM
IN REASONING OF RUSSIAN CIVILISTS

L. V. Shchennikova

Kuban State University
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia
ORCID: 0000-0002-1972-2287
ResearcherID: H-3447-2016
Articles in “Scopus” / “Web of science”:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-461-466
e-mail: civil_law402@mail.ru

Introduction: the definition of right in rem as offered by the developers of the second section of the Civil Code of the Russian Federation and consequently the following expectation period of its legislative confirmation gave rise to both the possibility and practical necessity of the more detailed scientific reasoning and study. **Purpose:** to create a comprehensive image of the given legal framework comprising all the possible shades of its understanding as described in Russian civil law literature. **Methods:** both general scientific and specific scientific research methods were used, including dialectical, comparative-legal, historical, technical, and linguistic ones. **Results:** taking into consideration the generalized characteristics of the right in rem, it is concluded that the legal definition offered by the Civil Code of the Russian Federation needs further development. It should concern the nature of the purpose of the right, the proof of the set of powers inherent in any in rem right as well as the indication of the outer side hereof or the so-called negative obligation. **Conclusion:** the efficiency of application of the right in rem legal framework depends on the grade of accuracy and scientific validity of its characteristics as necessarily implemented into the final definition. It is proved that the right in rem is specific as to its object and can be characterized by the internal and external connections reflecting its content. The internal connection predominates over the external one, letting the party to a legal relationship an immediate opportunity to satisfy his or her demands for the res. The possibilities of the party do not take the form of the specific powers. The internal connection, mediating the obligations of the third parties, shall be provided with a special civil law regulation including the system of real actions.

Keywords: civil right; right in rem; real right; corporeal right; interest; estate;
notion of right in rem; definition of right in rem; property law; civil law; civil legislation

Я мыслю, значит, я существую.
Рене Декарт

Введение

Объективная необходимость включения общих положений о вещном праве в кодифицированное гражданское законодательство, в том числе закрепление легальной дефиниции субъективного вещного права, предполагает необходимость подведения итогов научной проработки данного понятия, проводившейся российской цивилистикой на протяжении своей вековой истории. Такой ретроспективный анализ необходим для того, чтобы создать собирательный портрет данной правовой конструкции. В нем важно воплотить значительное большинство из описанных в литературе оттенков понимания исследуемой конструкции. И только на этой основе представляется возможным оценить достоинства и недостатки определения вещного

права, предложенного разработчиками проекта раздела второго ГК РФ.

В разделе первом настоящей статьи содержится ответ на вопрос о том, нужны ли понятия в науке, в том числе науке юридической, и какое значение понятийному аппарату придавали великие мыслители. Во втором разделе воспроизводятся основополагающие положения философии, касающиеся понимания конструкций «понятия» и «определения». Выявляются их семантические аспекты, а также соотношение. Формулируются необходимые характеристики предмета исследования, подпадающие под базовые дефиниции понятия и определения. В разделе третьем выясняется доктринальное понимание вещного права, созданное дореволюционными цивилистами. Здесь исследуются аргументы понимания вещного права, выдвинутые такими классиками российской цивилистики, как К. Н. Анненков, Д. И. Мейер, К. П. Победо-

Information in Russian

ПОНЯТИЕ ВЕЩНОГО ПРАВА
В АРГУМЕНТАЦИИ РОССИЙСКИХ ЦИВИЛИСТОВ

Л. В. Щенникова

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права
Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
ORCID: 0000-0002-1972-2287
ResearcherID: H-3447-2016
Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-461-466
e-mail: civil_law402@mail.ru

Введение: предложенное разработчиками проекта второго раздела ГК РФ определение субъективного вещного права и объективно возникший период ожидания его законодательного подтверждения создали как возможность, так и практическую необходимость его более детальной научной аргументации и проработки. **Цель:** создать собирательный портрет данной правовой конструкции, воплотив в нем все возможные, из описанных в российской гражданско-правовой литературе, нюансы ее понимания. **Методы:** были использованы как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования. Дialectический, сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический, лингвистический. **Результаты:** с учетом выделенных обобщенных характеристик вещного права сделан вывод о том, что предложенное разработчиками проекта второго раздела ГК РФ легальное определение нуждается в доработке. В том числе это касается характеристики объекта права, доказательств объективно присущего любому вещному праву «набора правомочий», а также отражения внешней его стороны или так называемой отрицательной обязанности. **Выводы:** эффективность применения правовой конструкции вещного права зависит от того, насколько точными и научно обоснованными являются его характеристики с необходимостью воплощенные в итоговое его определение. Доказывается, что вещное право специфично своим объектом и характеризуется внутренней и внешней связями, отражающими его содержание. Внутренняя связь является главенствующей, предоставляя субъекту непосредственную возможность удовлетворения потребности в вещи. При этом возможности лица здесь не облекаются в конкретные правомочия. Внешняя связь, опосредуя обязанности третьих лиц, должна быть обеспечена специальным гражданско-правовым регулированием, в том числе системой вещно-правовых исков.

Ключевые слова: субъективное гражданское право; вещное право; понятие субъективного вещного права; определение субъективного вещного права; цивилистика; гражданское законодательство

Cogito ergo sum
René Descartes

Introduction

There is an objective need to include the general provisions in relation to the real right (right in rem) in a codified civil legislation, in particular to establish the legal definition of the right in rem. Thus, it is necessary to summarize the scientific studies of this notion, which have been conducted by the Russian civil law over the course of its centuries-old history. Such a retrospective analysis is required to create a comprehensive image of the given legal framework. It is important that there is a significant majority of shades of understanding of the studied legal framework. Only thereupon it is possible to assess the merits and demerits of the real right definition as offered by the developers of the second division of the Civil Code of the Russian Federation.

The first part of the given article provides an answer to the question whether science, including juridical science, needs definitions and what importance was attached to the conceptual framework by the great thinkers. The second part considers the basic philosophical ideas concerning the understanding of the constructions “notion” and “definition”. Their semantic aspects are revealed, as well as their correlation. The required characteristics of the subject under study that cover the basic wordings of the notion and definition are formulated. In the third part, the doctrinal understanding of the real right as developed by the prerevolutionary civilists is elucidated. Here, we study the arguments in understanding the real right notion as brought forward by such classics of the Russian civil law as K. N. Annenkov, D. I. Meier, K. P. Pobedonostcev, V. I. Sinaiskiy,

носцев, В. И. Синайский, Г. Ф. Шершеневич. Раздел четвертый посвящен пониманию вещного права, отраженному в современной российской цивилистике. Здесь анализируются взгляды на понятие вещного права, сформулированные в работах Е. А. Суханова, Ю. К. Толстого, В. А. Белова, О. Н. Садикова и других ученых, специализирующихся на разработке вещно-правовых категорий. Анализ понятий и определений позволяет выделить общие черты и отличия, создав абстрактную модель субъективного вещного права, выработанную коллективным интеллектом современных цивилистов. В заключении перечислены выявленные особенности конструкции субъективного вещного права, которые с необходимостью должны быть отражены в его научном определении.

Великие мыслители о значении понятийного аппарата

Фраза, вышедшая из-под пера французского математика Рене Декарта в XVII веке: «Я мыслю, значит, я существую» [14, с. 315], – неизменно сопровождает любого исследователя, в том числе цивилиста. О процессе познания и его целях написано немало трактатов. Например, величайший мыслитель древности Аристотель писал о необходимости в процессе познания уяснения природы вещи (явления) того, ради чего она существует [2]. Аристотель придавал важное значение определениям, подчеркивая, что именно в них отражается «суть вещи» [3]. Русский мыслитель XIX века В. С. Соловьев видел в определениях, выявляющих внутреннюю связь всего, истину [23]. Немецкий философ XIX века Людвиг Фейербах считал, что в отсутствии определений исследователю «даже не дан объект», поскольку непознанный он будет отсутствовать [26]. С. Л. Франк в монографии «Смысл жизни» показал, что в выработке определений заключается «свет знания» и «высшее благо жизни» [28]. Нидерландский мыслитель Б. Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате» 1676 г. мудрость познания понятий связывал с «истинным счастьем» и «блаженством человека» [24]. Немецкий философ Г. Ф. Гегель стремление к выработке понятий называл «неистребимым, несчастным и ни с чем несравнимым влечением к истине». Английский философ Ф. Бэкон считал, что ученый в отношении познания сути понятий должен быть «жадным», никогда не останавливаться, не пребывать в покое, а прорываться все дальше и дальше [7].

Итак, наши предшественники призывали нас мыслить, уясняя природу вещей, познавая их суть, внутренние связи, тем самым прибли-

жаясь к истине. Великие мыслители, создавая научные понятия, видели в этом высшее благо жизни, истинное счастье и блаженство, призывая своих последователей в этом деле быть неизменно «жадными», никогда не останавливаясь на избранном пути.

Философская наука о понятиях и определениях

Любая наука основывается на понятиях. Учение о самих понятиях создается наукой философской. Представляется уместным в настоящем исследовании обратиться к базовым положениям философии, касающимся понимания «понятия».

Слово «понятие», согласно современному философскому словарю [22, с. 664], происходит от корня «пояти», что означает «взять». В латинском языке данному термину соответствует conceptus от глагола «capere», что значит «схватить на месте». Следовательно, само происхождение слова, его семантический аспект связывает понятие с моментом «схватывания» мыслью того, что «явлено» в языке.

И. Кант утверждал, что познавать возможно, созерцая или создавая понятия. И если созерцание создает единичные представления, то в понятиях отражаются общие связи. Мы мыслим посредством понятий. Вот почему самым кратким определением понятия может быть слово «мысль» [16, с. 395]. В. И. Ленин называл понятие высшим продуктом мозга [17, с. 149]. В эмпирическом понятии не просто запечатлеваются предметы и явления действительности, так сказать, «живая жизнь». В первую очередь, следует подчеркнуть, что в понятиях «отображается их сущность» [22, с. 664]. Во-вторых, понятие фиксирует связи между предметами, явлениями действительности, посредством выделения общих и специфических признаков [27]. В-третьих, понятие, как подчеркивал И. Кант, – есть общее представление или представление того, что обще многим предметам, соответственно, имеет возможность содержаться в различных объектах [16, с. 395]. В-четвертых, понятия называют «сокращениями», в которых охватываются «свойства множества различных чувственно воспринимаемых вещей» [31, с. 14]. Наконец, следует подчеркнуть, что в понятиях раскрывается подлинная природа вещей. Не случайно Г. Ф. Гегель называл понятие «синонимом действительного понимания существа дела» [15, с. 110]. Таким образом, чтобы результат размышления ученого по поводу исследуемого предмета именовался понятием, он должен отражать его действительную природу, внутреннюю сущность и

G. F. Shershenevich. The fourth part is devoted to the understanding of the real right as reflected in the modern civil law. Here, we analyze the views as to the real right notion formulated in works by E. A. Sukhanov, Yu. K. Tolstoy, V. F. Belov, O. N. Sadikov and other scholars specializing in the development of the real right categories. The analysis of the notions and definitions allows us to identify the common features and differences upon creating an abstract model of the real right as developed by the collective intellect of the modern civil law scholars. In conclusion, we list the revealed peculiarities of the real right framework which shall be reflected in its scientific definition.

The Great Thinkers about the Conceptual Framework

The phrase penned by the French mathematician Rene Descartes in the 17th century: “I think, therefore I am” [14, p. 315], steadily accompanies any researcher, including a civilist. Many treatises have been written about the process of cognition and its purposes. For example, the greatest thinker of antiquity, Aristotle, wrote that in the process of cognition it is necessary to comprehend the nature of the thing (phenomenon) of that which it exists for [2]. Aristotle attached importance to definitions, emphasizing that it is in them that the “essence of the thing” is reflected [3]. The Russian thinker of the 19th century V. S. Soloviev saw in definitions, revealing the inner connection of everything, the truth [23]. The German philosopher of the 19th century Ludwig Feuerbach believed that in the absence of definitions, a researcher “is not even given an object”, as being unknown fails to be present [26]. S. L. Frank showed in his monograph “The Meaning of Life” that it is the definition elaboration that constitutes “the light of knowledge” and “the highest good of life” [28]. The Dutch thinker B. Spinoza in his “Theological-Political Treatise”, 1676, associated the wisdom of cognizing notions with the “true happiness” and the “human’s bliss” [24]. The German philosopher Georg Wilhelm Friedrich Hegel considered the strive for the development of notions to be “an ineradicable, unhappy and incomparable lust for the truth”. The English philosopher F. Bacon believed that a scholar must be “greedy” in respect to the essence of notions cognition, never stop, have no rest, but break through deeper and deeper [7].

All things considered, our predecessors urged us to think, understanding the nature of things, cognizing their essence, internal connections, thereby approaching the truth. Upon the creation of scientific notions, the great thinkers considered it to be the supreme good of life, true happiness and bliss, urging their successors to be constantly “greedy” and never to stop in the chosen path.

Philosophical Science about Notions and Definitions

Any science is based on notions. The doctrine of notions is developed by the science of philosophy. It seems appropriate in this study to turn to the main ideas of philosophy concerning understanding the “notion”.

According to the modern philosophical dictionary, the word “notion” [22, p. 664], comes from the root “girdle”, which means “taken”. In Latin, this term corresponds to “conceptus” from the verb “capere”, which means “to grasp on the spot”. Consequently, the origin of the word itself and its semantic aspect connect the notion with the moment of “grasping” of what is “manifested” in the language by the thought.

I. Kant argued that it is possible to cognize by contemplating or creating notions. While contemplating only creates individual ideas, notions reflect common ties. We think by means of concepts.

That is why the briefest definition of the notion is “the thought” [16, p. 395]. V. I. Lenin called notion a supreme product of brain [17, p. 149]. The things and phenomena of reality are not just imprinted as they are. First of all, it is necessary to emphasize that notions reflect their essence [22]. Secondly, the notion fixes the connections between things and phenomena of reality through distinguishing the common and specific features [27]. Thirdly, as I. Kant emphasized, there is a common idea of what is common for many of the things, which consequently may be present in many things [16, p. 395]. Fourthly, notions are called “contractions” which comprise the multitude of different sensuously perceptible things [31, p. 14]. Finally, it should be emphasized that true nature of things is revealed in the notions. It is not accidentally that Georg Wilhelm Friedrich Hegel called the notion a “synonym of real understanding of the essence of the matter” [15, p. 110]. Thus, in order for the result of a scientist’s thinking as to the subject of investigation to be a notion, it must reflect its real nature,

связи, быть интеллектуальным сокращением изученного множества.

Создание понятий, как подчеркивается в философской литературе, это единство целой цепочки последовательных умственных действий, в том числе абстракции, идеализации, обобщения и сравнения [27]. Кульминацией размышлений по поводу изучаемого предмета можно считать выработку определения. Следовательно, понятия и определения взаимосвязанные, но не тождественные явления.

Определение, или *definition*, – логический прием (операция), в результате которого в сжатой и явной форме излагается основное содержание понятия. Определения составляют существенную часть любой научной теории. В них фиксируются результаты длительного научного поиска, упрощаются сложные описания. Учение об определениях начал создавать еще Демокрит в своем труде «О логике, или Каноны» [22, с. 664]. Правила же создания определений сформулировал Аристотель. Их важно помнить и неизменно руководствоваться. Первое правило: определения не должны совпадать по объему и быть взаимозаменяемыми. Второе правило: определение не может содержать непонятных терминов или быть двусмысленным. Третье правило: определение не должно быть тавтологичным, т. е. содержать «порочный круг». Четвертое правило: определение не должно заключать в себе отрицание [22, с. 664].

Подводя итоги, следует заключить, что создать понятие – это значит мыслить и схватить главное, сущностное, глубинное. Сформулировать определение – это значит, зафиксировать познанное в сжатой и явной форме. Руководствуясь описанными наработками философской науки, перейдем к рассмотрению цивилистического понятия вещного права и его определений, созданных российской гражданско-правовой наукой.

Доктринальное понимание вещного права, созданное дореволюционными цивилистами

В дореволюционный период развития цивилистической науки учеными уделялось серьезное внимание созданию аргументации понимания вещного права. В науке формировались признаки понятия, в ряде концепций авторами предлагалось итоговое определение. Остановимся на концептуальных положениях понимания вещного права, созданного классиками российской цивилистики: Е. В. Васьковским, В. И. Синайским, Г. Ф. Шершеневичем, К. П. Победоносцевым, К. Н. Анненковым.

Е. В. Васьковский, российский, польский цивилист, создавший многочисленные труды в

области гражданского права, выделял пять особых признаков вещного права. Во-первых, вещное право, согласно концепции данного ученого, создает прямую и непосредственную связь между лицом и вещью. Е. В. Васьковский подчеркивал, что вещное право «охватывает» вещь, тогда как в праве обязательственном необходимо преодолевать субъекту «юридическую сферу другого лица» [8]. Во-вторых, по мнению Е. В. Васьковского, вещное право должно быть признаваемо всеми и каждым. Следовательно, особенностью этого права является обязательность для всех. «Абсолютность, – резюмировал Е. В. Васьковский, – представляет собой естественное следствие вещности». При этом в самом законе могут устанавливаться исключения, ограничивающие абсолютный характер вещных прав. Иллюстрацией ограничений в тот период развития законодательства являлось нераспространения абсолютной силы права собственности на ссудные казны. Признак абсолютности не означает возможность поставить знак равенства между вещностью и абсолютностью, уточнял ученый. «Старые писатели», формулируя такой вывод, подчеркивал Е. В. Васьковский, упускали из виду другие субъективные гражданские права, обладающие абсолютным характером. Третий признак, по Васьковскому, – это возможность нарушения вещных прав каждым. Раскрывая данный признак, он подчеркивал, что вещное право, будучи обязательным для всех, может быть и нарушено каждым. Четвертая понятийная характеристика – это снабженность абсолютной защитой. Иски, охраняющие данные права от нарушения, носят название вещных исков и могут быть предъявляемы к каждому нарушителю. Наконец, последний пятый признак вещности, по Е. В. Васьковскому – это акцент на объекте, а не на круге обязанных лиц. Такой подход, по мысли ученого, проще и понятнее. Он имеет то преимущество, что является общедоступным для понимания и, соответственно, более распространенным. В итоге своих размышлений Е. В. Васьковский сформулировал следующее определение вещного права – это «известная мера власти, предоставленная лицу объективными нормами непосредственно над вещью».

Свои аргументы понимания вещного права выдвигал В. И. Синайский, российский и латвийский юрист, получивший за заслуги перед российской наукой личное дворянство. Акцент в определении этот ученый делал на отношении, складывающемся между управомоченным лицом и всеми третьими лицами. Суть складывающихся отношений ученый видел в признании господства управомоченного лица над вещью в

internal essence and connections, being an intellectual contraction of the studied multitude at the same time.

As emphasized in philosophic literature, the creation of notions is the unity of the whole chain of consequent mental actions, including abstraction, idealization, generalization and comparison [27]. Working out of a definition can be considered to be the climax of reflection as to the studied subject. Consequently, notions and definitions are interrelated, but not identical phenomena.

Definition is a logical technique (operation), as a result of which the basic content of the notion is presented in a concise and explicit form. Definitions form an essential part of any scientific theory. In definitions, the results of a long scientific search process are captured, complex scientific descriptions are simplified. Democritus as far back as he was, began to create the doctrine of definitions in his work “The Canons” [22, p. 664]. The rules of creating definitions, though, were formulated by Aristotle. They are important to be remembered and always guided with. The first rule: definitions should not be the same in extent and be interchangeable. The second rule: a definition should not contain incomprehensible terms or be ambiguous. The third rule: a definition should not be tautological, i. e. contain a “vicious circle”. The fourth rule: a definition should not include negation [22, p. 664].

In conclusion, it is necessary to infer that to create a notion means to think and to grasp the general, essential and deep. To formulate a definition means to capture the cognized in a concise and explicit form. Guided by the described ideas of the philosophical science, let us pass onto the consideration of the civil notion of real right and its definitions as created by the Russian civil law science.

The Doctrinal Understanding of the Real Right as Created by Prerevolutionary Civilists

During the prerevolutionary period of the civil science development, scientists paid much attention to working out the arguments for understanding the real right. Signs of the notion were formed in civil law science, and in some concepts a final definition was proposed. Let us dwell on the conceptual provisions of the real right understanding as created by the classics of Russian civil law: E. V. Vaskovskiy, V. I. Sinaiskiy, G. F. Shershenevich, K. P. Pobedonostsev, K. N. Annenkov.

E. V. Vaskovskiy, a Russian and Polish civilist, the author of numerous works in the field of

civil law, distinguished five special features of real rights. First, according to this scholar’s concept, the real right creates a direct and immediate connection between the party and the thing. E. V. Vaskovskiy put additional emphasis on the fact that the real right “covers” a thing, whereas in the law of obligations the subject has to “get over the legal sphere of another person” [8]. Secondly, according to E. V. Vaskovskiy, the real right must be recognized by everyone and anybody. Therefore, the peculiarity of the real right is in its being compulsory for everybody. E. V. Vaskovskiy considered such “absoluteness” to be “a natural consequence of the real right feature”. However, there may be exceptions set in the law itself that limit the absolute nature of real rights. An illustration of such restrictions during that period of the legislation development was the non-extension of the absolute power over the loan treasury ownership. The sign of absoluteness does not mean the possibility to equate the entity and absoluteness, stipulated the scholar. Vaskovskiy stated that “old writers”, upon coming to a different conclusion, failed to take into account other civil rights of the absolute nature. The third sign under Vaskovskiy is the possibility of violation of real rights by everyone. Going deeper into this feature, he emphasized that the real right, while being mandatory for everybody, on the one hand, can still be infringed by everybody, on the other hand. The fourth conceptual characteristic deals with the provision of an absolute protection. Claims that protect these rights from violations are called real actions and can be brought against each infringer. Finally, the last fifth sign of being in rem under E. V. Vaskovskiy is the focus on the object, but not on the circle of the obligated parties. Such an approach, according to the scholar, is simpler and more understandable. Its advantage is in its general availability for understanding and, accordingly, prevalence. As a result of his reflections, E. V. Vaskovskiy formulated the following definition of the real right: it is “a certain measure of power given to a person by objective legal norms directly over a thing”.

V. I. Sinaiskiy, a Russian and Latvian lawyer, who received a personal nobility for his merits to the Russian science proposed his own consideration of the real right understanding. The accent in the definition of this scholar was made on the relationship developing between the empowered person and all the third parties. The scholar considered the essence of the developing relations in recognizing the predominance of the authorized person over a thing within

границах, установленных правом. Господство над вещью, по мнению В. И. Синайского, состоит в возможности непосредственно и исключительно проявлять воздействие на вещь с устранением всех третьих лиц. Определение вещного права через категорию отношения Синайский пояснял тем, что «любое право предполагает юридическое отношение, а юридическое отношение возможно лишь между лицами, а не между лицом и вещью» [21, с. 135]. Такой подход к определению в литературе того периода считался «отрицательным», поскольку суть отношения здесь сводится к устранению всех третьих лиц признающих господство над вещью и не мешающих его осуществлению. Однако в следующем абзаце повествования В. И. Синайский, противореча сам себе, утверждал, что «более точно будет определять вещное право «положительно, то есть как господство лица над вещью» [21, с. 135]. Границы такого господства, по признанию В. И. Синайского, могут быть разными, в связи с чем и различаются виды вещного права. Кстати, задачей закона устанавливать границы вещных прав профессор объяснял и название соответствующего раздела десятого тома Свода законов Российской империи («О существе и пространстве разных прав на имущество»).

Свою концепцию вещного права создал К. П. Победоносцев. В его аргументации вещному праву присуще несколько отличительных черт. Первая характеризует связь субъекта с вещью. Вещное право, по признанию цивилиста, неразрывно связано с вещью и «не отстает от нее, переходит вместе с ней в чьи бы руках, в каком бы положении вещь не находилась, прикреплено к ней до тех пор пока или вещь не уничтожится, или сам хозяин не захочет разорвать связь с ней, отказаться от нее, или превратить ее в ценность, или обменять ее». Вторым важным качеством вещного права К. П. Победоносцев считал объект. Имущество, в данном случае, имеет значение вещи, т. е. вне лица сущее бытие, объективное значение. Наконец, особой отличительной чертой вещных прав К. П. Победоносцев считал три их свойства, а именно: исключительности, преимущества и предпочтения. Если говорить об определении вещного права, то оно в концепции К. П. Победоносцева выглядит следующим образом: «Право на вещь возбуждает всеобщую безусловную отрицательную обязанность относительно хозяина вещи не делать ничего, что могло бы нарушить его право» [19]. Таким образом, ученый противопоставлял «хозяев», т. е. субъектов вещных прав, и всех остальных, обязанных не нарушать «хозяйские» права. Итак, в

общей сложности К. П. Победоносцевым было сформулировано шесть отличительных характеристик вещного права: это неразрывность связи, господство над вещью, материальность объекта, в единстве с такими свойствами, как исключительность, преимущество и предпочтение.

Г. Ф. Шершеневич, работая над конструкцией вещного права, акцентировал внимание на характеристиках вещного права как права абсолютного. Именно деление гражданских прав на абсолютные и относительные он считал «основным и в высшей степени важным». Характерных признаков абсолютного права, по Г. Ф. Шершеневичу, шесть. Во-первых, это пассивная обязанность всех лиц воздерживаться от нарушения данного права. Во-вторых, принуждение всех и каждого воздерживаться от пользования вещами, а также от совершения действий, дозволенных исключительно определенным лицам. В-третьих, возможность нарушения абсолютных прав со стороны каждого лица. В-четвертых, защита абсолютного права посредством иска, направленного против любого, нарушающего право. В-пятых, независимость установления абсолютных прав от воли пассивных субъектов. Наконец, шестым признаком абсолютности Г. Ф. Шершеневич считал преимущество абсолютных прав при столкновении с правами относительными, которые всегда уступают им место. Все сформулированные признаки абсолютных прав с естественностью присущи правам вещным. От всех же иных абсолютных прав, по мнению Г. Ф. Шершеневича, вещное право отличается объектом, которым выступает «вещь в материальном значении слова» [29, с. 128]. Вещное право, далее рассуждал ученый, устанавливает с вещью непосредственные отношения. Суть отношения к объекту в вещном праве состоит не в «соприкосновении с вещью», а в том, что для осуществления своего права субъект в данном случае не нуждается в фактическом посредничестве других лиц. Вот почему сущность вещного права Г. Ф. Шершеневич видел не в том, что субъект права может делать с вещью (т. е. в возможностях господства), а в том, чего субъекты обязанностей не должны делать с этой вещью.

Свою теорию субъективных гражданских прав в системе русского гражданского права создал К. Н. Анненков. Всякое субъективное право (или правомочие) К. Н. Анненков характеризовал как господство, принадлежащее определенному лицу над определенным предметом на основании предписания права. Имущественные права, подчеркивал К. Н. Анненков, призваны удовлетворять различные потребности, служащие самосохранению. В си-

limits established by law. Predomination over a thing, according to V. I. Sinaiskiy, is in the ability to directly and exclusively make impact on the thing with the elimination of any influence from the third parties. The definition of the real right through the category of relations Sinaiskiy justified the following way: “any law presupposes a legal relationship, and a legal relationship is only possible amid parties and not between a party and a thing” [21, p. 135]. This approach to the definition in the literature of that period was considered “negative”, since the essence of the relationship here is reduced to the elimination of all the third parties who recognize the dominance over the thing and do not interfere with its implementation. However, in the next paragraph, V. I. Sinaiskiy contradicts himself arguing that “it is more accurate to determine the real right positively, that is, as a predomination of a person over the thing” [21, p. 135]. The limits of such predomination, according to V. I. Sinaiskiy can be different, and therefore, there are different types of real rights. By the way, the professor explained the title of the corresponding section of the tenth volume of the Code of Laws of the Russian Empire (“On the essence and scope of different real rights”) due to the task of the law to establish the limits of real rights.

K. P. Pobedonostsev created his own concept of real rights. According to his reasoning, real rights have several distinctive features. The first characterizes the connection of the subject with the thing. The real right, according to the civilist, is inextricably connected with the thing and “fails to fall behind it, passes along with it in whose hands it is, in whatever position the thing is, and attached to it until either the thing is destroyed, or the owner himself decides to break ties with it, abandon it, or turn it into value, or exchange it”.

K. P. Pobedonostsev considered the object to be another important quality of real rights. Property in this case, has a status of a thing, that is, outside the party, existent being, objective meaning. Finally, K. P. Pobedonostsev considered three of the real rights features, namely: exclusivity, advantage and preference. In K. P. Pobedonostsev’s concept, the definition of the real right looks as follows: “The right to a thing gives rise to a general immediate negative obligation before the owner of the thing to do nothing that could violate his right” [19]. Thus, the scholar differentiated between the “owners”,

i. e. the subjects of real rights, and all the others, who are obliged not to violate the “master’s” rights. Therefore, in total, K. P. Pobedonostsev formulated six distinctive features of property law – the continuity of the relationship, domination over the thing, materiality of the object as united with such features as exclusivity, advantage and preference.

G. F. Shershenevich, while working on his concept of real rights, emphasized the characteristics of the real right as of an absolute right. It was the division of civil rights into absolute and relative rights that he considered “basic and extremely important”. There are six features of the absolute right under G. F. Shershenevich. Firstly, it is a passive obligation of all the parties to refrain from infringing this right. Secondly, the coercion of everyone and anybody to refrain from using the things, as well as from committing actions that are permitted only to certain parties. Thirdly, the possibility of violation of absolute rights by any person. Fourthly, the protection of the absolute right with a help of an action against anyone who violates the right. Fifthly, the independence of the absolute rights establishment from the will of passive subjects. Finally, according to G. F. Shershenevich, the sixth sign of absoluteness is the advantage of absolute rights over relative ones, which are always inferior to them. All the formulated signs of absolute rights are inherent in real rights. According to G. F. Shershenevich, the real right differs from all the other absolute rights by the object, which is the “thing in the material meaning of the word” [29, p. 128]. The real right, as argued further by the scholar, establishes a direct relationship with the thing. The essence of the relation to an object in real right is not the “contact with the thing”, but that in order to exercise its right, the party in this case does not need the actual mediation of other parties. That is why G. F. Shershenevich considered the essence of the real right not in what the subject of the right is capable of doing with the thing (that is, in the possibilities of predomination), but in what the subjects of obligation may not do with this thing.

K. N. Annenkov created his own theory of civil rights in the system of Russian civil law. He characterized every right (or competence) as predominance of a particular person over a certain subject on the basis of the law. Real rights, as K. N. Annenkov emphasized, are designated to satisfy the various needs that serve self-preservation.

стеме же имущественных прав неизменно, начиная с римского частного права, лидирующие позиции занимают права вещные. Ученый сожалел, что в своде законов гражданских нашей страны не употреблялся сам термин «вещное право». По признанию составителя свода графа М. М. Сперанского, он не стал употреблять в тексте выражение «право вещественное», так как оно неизвестно нашей практике. Такого рода «мотив» К. Н. Анненков считал явно недостаточным, чтобы «изгнать» из закона «столь точный» термин, обозначающий очень важную совокупность гражданских прав. Отсутствие родовой категории не помешало законодателю включить в Свод законов систему конкретных разновидностей вещных прав, таких как право собственности, в его различных ограничениях, право владения и пользования, отдельные от права собственности, а также различные права участия в чужих имущественных. К. Н. Анненков выделял две характеристики вещных прав: непосредственное господство над объектом и обязательство всех и каждого уважать это право его субъекта. Определение вещного права в концепции К. Н. Анненкова выглядит следующим образом: «Это собственно право на такую вещь или предмет, которое не может иметь значения субъекта права» [1, с. 118].

Интересную концепцию субъективных прав создал Д. И. Мейер. Все права ученый разделял на безобъектные и объектные. В свою очередь, объектные права им разделялись на три вида: права власти, права вещные и права обязательственные. Право называется вещным, писал Д. И. Мейер, когда объектом его предстает вещь, т. е. предмет, не имеющий значения субъекта права. Вещное право, замечал ученый, «не предполагает волю объекта» [18]. Между возможными видами гражданских прав существует тесная связь, а грани, отделяющие их, зависят от «ступеней развития юридического быта». Д. И. Мейер предсказывал, что в образованном юридическом быту обязательственное право будет нередко заменять вещное. Так, вместо того чтобы приобретать вещь в собственность, лицо ограничится вступлением в договор найма относительно вещи. Видимо, современные условия жизни России нельзя рассматривать «образованным юридическим бытом» в смысле значения, которое придавалось им Мейером, поскольку велико стремление людей обрести именно вещные права, особенно на недвижимое имущество, нежели права обязательственные. Однако напомним, что свое предсказание Д. И. Мейер завершил следующей фразой: «Вещные права все-таки будут существовать

всегда». И эта фраза в контексте настоящего исследования является знаковой.

Кроме того, представляется важным обратить внимание на аспект свободы, который выдвигался Д. И. Мейером на первое место в понимании субъективного гражданского права. Суть права, писал ученый, это мера свободы живущего в обществе лица. Именно мера свободы и составляет право человека. Следовательно, задачей гражданского законодательства является определить пределы, которые не может преступать свобода человека. Любое право «дробимо до бесконечности», следовательно, закон в состоянии определить только пределы свободной деятельности граждан. В противном случае необходимо было бы указывать, что собственник вправе «бросать свою вещь в воздух, вертеть ее, рассматривать и т. п.».

Рассмотрев взгляды целой плеяды дореволюционных цивилистов на понятие вещного права, можно сформулировать следующие итоговые выводы, во-первых, вещное право, согласно созданным в то время концепциям, представляет собой единство положительной возможности и отрицательной обязанности. И эти два компонента объективно присущи данному понятию. Соответственно, нет необходимости в разрешении спора о том, какой из них является главным. Во-вторых, положительная составляющая вещного права состоит в возможностях (господстве, власти), которые предоставляются лицу (субъекту) по отношению к материальной вещи для удовлетворения его потребностей в ней. При этом нормы гражданского права не должны исчерпывающе перечислять дозволения, их истинное предназначение состоит в установлении границ и пределов свободы в осуществлении права. В-третьих, вещное право рождает одновременно отрицательную обязанность всех и каждого признавать возникшую вечно-правовую связь, не нарушать ее, в противном случае устанавливая способы ее гражданско-правовой защиты от любого нарушителя.

Понятие вещного права в современной российской цивилистике

Почти вековой последующий путь развития российского государства доказал живучесть конструкции вещного права. Она оказалась неистребима ни революционными взрывами, ни эволюциями перестроек. Так или иначе, вещные права в России оставались в гражданском законодательстве всегда или в разновидности права собственности, или в обличье ограниченных вещных прав, например, права оперативного управления. Однако отечественная цивилистическая наука вновь вернулась к активной разра-

Starting with the Roman private law, invariably, property rights have been prevailing in the system of real rights. The scientist regretted that the term “real right” was not used in the code of laws of our country. As confessed by the composer of the Code of Laws, M. M. Speranskiy, he did not use the expression “real right” in the text since it was unknown to the practice of that period. This kind of “motive” was considered by K. N. Annenkov to be clearly insufficient to “expel” from the law “such a precise” term denoting a very important set of civil rights. The absence of the generic category, though, did not prevent the legislator from including into the Code of Laws a system of specific varieties of real rights, such as the property right in its various limitations, the right to ownership and accommodation right, separate from proprietorship, and various rights to participate in other people’s property. K. N. Annenkov distinguished two characteristics of real rights: direct predomination over the object and obligation of everyone to respect this right of its subject. The definition of the real right in the concept of K. N. Annenkov looks like this: “It is actually a right to such a thing or object which cannot be a subject of right” [1, p. 118].

An interesting concept of rights was created by D. I. Meyer. He divided all the rights into object-free and objective. In their turn, objective rights were grouped into three types: rights of power, property rights and obligations. D. I. Meyer stated that the right is called real when a thing as an object hereof fails to be a subject of right. According to the scholar, the real right “does not presuppose the will of the object” [18]. There is a close relationship among the possible types of civil rights, and the shades that delimit them depend on “the grade of legal life development”. D. I. Meyer predicted that the obligatory right would often replace the real thing in the advanced legal life. For example, instead of acquiring a thing in property, a person will confine himself to entering into a contract of hiring in respect to the thing. Apparently, the modern conditions of life in Russia cannot be considered an “advanced legal way of life” in the sense that was given by Meyer, since people’s desire to acquire real rights, especially to real property, is much greater than to acquire obligatory rights. However, let me remind you that D. I. Meyer finished his prediction with the following sentence: “Real rights will still exist forever”. And this phrase is significant in the context of this study.

In addition, it seems important to pay attention to the aspect of freedom that was considered by D. I. Meyer to take the first place in the understanding of the civil right. The essence of such a right, according to the scholar, is a measure of freedom of a person living in a society. It is the measure of freedom that constitutes the human’s right. Consequently, the task of civil law is to determine the limits that cannot be transgressed by a person’s freedom. Any right can be “split to infinity”, therefore, the law is able to determine only the limits of free (lawful) activity of citizens. Otherwise, it would be necessary to indicate that the proprietor has the right to “throw his thing into the air, turn it, carefully study it, etc.”

Having considered the views of a whole pleiad of prerevolutionary civilists on the notion of real right, it is possible to formulate the following final conclusions. First, the real right, according to the concepts created at that time, represents a unity of the positive possibility and negative obligation. And these two components are objectively inherent in this notion. Accordingly, there is no need to resolve the dispute as to which of them is prevalent. Second, the positive component of the real right is in the possibilities (domination, power) that are given to the person (subject) in relation to the material thing regarding the satisfaction of his needs in it. However, the norms of civil law should not exhaustively enlist the permissions, as their true purpose is to establish the boundaries and limits of freedom in the exercise of a right. Thirdly, proprietary rights give rise simultaneously to the negative obligation of everyone and anyone to recognize the arising proprietary connection, not to infringe it, otherwise, establishing the methods of its civil protection against any infringer.

The Notion of Real Right in Modern Russian Civil Law

The almost century-long period of the subsequent development of the Russian state has proved the survivability of the construction of the real right. It proved to be indestructible neither by revolutionary explosions, nor by the changes during Perestroika. Real rights in Russia has always remained in civil law either in a variety of property rights, or in the form of limited property rights, for example, the right to operational control. However, domestic civil science again returned to the active

ботке данного понятия лишь в начале XXI века. Над аргументами понимания исследуемой категории работали такие представители гражданско-правовой науки, как Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, О. Н. Садиков, В. А. Белов и многие молодые авторы, сумевшие по данной проблематике защитить кандидатские диссертации. Из каких характеристик «сложили» понятие вещного права современные авторы? Так, Е. А. Суханов выделил пять признаков вещного права. Первый состоит в том, что данные права оформляют непосредственное отношение лица к вещи, дающие ему возможность использовать данную вещь в своих интересах без участия иных лиц. Второй – это абсолютный характер вещных прав, определяющий связи управомоченного лица со всеми другими (третьими) лицами. Третий – это гражданско-правовая защита с помощью особых вещных исков, которые могут быть направлены против любых третьих лиц. Четвертый – это единственно возможный объект в виде индивидуально-определенной вещи. Соответственно, нет вещи – нет и вещного права. Наконец, пятый признак, который Е. А. Суханов назвал «важным свойством», заключается в том, что все третьи лица должны быть четко осведомлены о содержании и видах вещных прав. Определение вещного права, сформулированное профессором Сухановым, выглядит следующим образом: «Это абсолютное субъективное гражданское право лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками» [10, с. 7].

Свое видение понятия вещного права сформулировал и Ю. К. Толстой. Его рассуждения на данную тему представляют значительный научный интерес. Саму категорию вещного права данный автор называет «живучей», «уязвимой» и «критикуемой» в цивилистической литературе [11, с. 331]. По мнению Толстого, вещное право не следует сводить к отношению лица и вещи. Тем не менее решающее значение для удовлетворения интересов управомоченного лица здесь имеют собственные действия субъектов. Третьи лица пассивно воздерживаются от нарушения права, однако это «пассивное издержание» [11, с. 331] не становится менее значимым. Стоит кому-то из обязанных вторгнуться в сферу хозяйственного господства, как в самом праве произойдет «затор» со всеми вытекающими из этого последствиями. Что касается признаков вещного права, то, опираясь на действующее законодательство, профессор увидел их два. Первый – это право следования, заключающееся в том, что переход права собствен-

сти к иному лицу не является основанием прекращения других вещных прав на это имущество. Второй – абсолютный характер защиты, состоящий в том, что вещное право защищается от нарушения любым лицом. Выделив эти признаки из норм ГК РФ, Ю. К. Толстой тут же отметил, что такого рода законодательная позиция является «шаткой», так как оба признака могут быть присущи и правам иным, вовсе не относящимся к вещным. Кстати, признак объекта Ю. К. Толстой не рассматривал специфическим, характеризующим понятие вещного права. Он подчеркивал, что объекты вещных прав далеко не всегда сводятся к вещи.

О характеристиках вещного права достаточно подробно и аргументировано рассуждает на страницах специальной литературы В. А. Белов [6, с. 38–39]. С его точки зрения вещным правам присущи восемь характеристик. Во-первых, они оформляют состояния принадлежности вещей (материальных благ) или статику имущественных отношений. Во-вторых, являются абсолютными. В-третьих, обеспечивают обладателю как возможность непосредственного господства над вещами и совершение в их отношении активных действий, так и возможность отстранения от подобного господства всех других лиц. В-четвертых, эти права обеспечивают возможности управомоченного субъекта пассивными обязанностями неопределенного круга (всех других) лиц. В-пятых, пользуются абсолютной защитой. В-шестых, имеют объектами индивидуально-определенные вещи. В-седьмых, императивным образом определяются в законе с точки зрения своего содержания. Наконец, должны быть прямо названы вещными законом. В. А. Белов совершенно справедливо отмечает, что в итоговое определение должны попадать далеко не все из указанных выше характеристик. Так, первый признак, по мнению автора, «лежит вне юридической сферы». Три последних признака являются производными от абсолютной природы вещных прав. Без ущерба для определения из него можно исключить и пятый признак, считает В. А. Белов. В результате проведенного секвестрования по правилам формальной логики В. А. Белов сформулировал краткий вариант определения вещных прав: «Это субъективные гражданские абсолютные права на вещи» [6, с. 38–39].

Авторский взгляд на понимание вещного права высказал О. Н. Садиков. Он подчеркнул, что этот термин объединяет большую и практически важную группу имущественных прав, существующих издавна. Сам термин отражает предмет таких прав, включая «разнообразные материальные ценности, начиная с земли и при-

development of this concept only at the beginning of the 21st century. E. A. Sukhanov, Yu. K. Tolstoy, O. N. Sadikov, V. A. Belov and many other young representatives of civil law science, who managed to defend their theses were working on their reasoning of understanding the categories under study. What features have the modern authors used to compose the real right definition? E. A. Sukhanov singled out five signs of the real right. The first is that these rights form a direct relationship of the person to the thing, giving him the opportunity to use this thing in his own interests without the participation of other persons. The second is the absolute nature of real rights, which determines the relationship between the entitled person and all the other (third) parties. The third is a civil law protection with the use of special real actions, which can be brought against any third parties. The fourth is the only possible object in the form of an individually specified thing. Accordingly, if there is no thing, then there is no real right. Finally, the fifth feature, which was called by E. A. Sukhanov “an important feature”, is that all the third parties should be clearly aware of the content and types of real rights. The definition of the real right formulated by Prof. Sukhanov looks as follows: “It is an absolute civil right of a person, giving him the opportunity to directly predominate over a particular thing and to remove any other persons from it, as protected by special civil lawsuits” [10, p. 7].

Yu. K. Tolstoy has also formulated his own concept of real rights. His reasoning on this topic is of a considerable scientific interest. The author himself calls the category of real right “enduring”, “vulnerable” and “criticized” in the civil literature [11, p. 331]. According to Tolstoy’s opinion, the real right should not be reduced to the relation between parties and things. Nevertheless, the actions of subjects are crucial in meeting the interests of the empowered person. Third parties passively refrain from infringing the right, however this “passive detention” [11, p. 331] does not become less significant. Let someone of those who are obliged invade the sphere of economic domination, and in the right itself there will be a “congestion” with all the ensuing consequences. As for the features of real rights, based on the current legislation, the professor has identified two of them. The first is the right of following, meaning that cession of the right of property to another person is not the ground for the termination of other proprietary

rights in respect of this property. The second is the absolute nature of protection, consisting in the fact that the real right is protected from infringement by any person. Having elicited these features from the norms of the Civil Code of the Russian Federation, Yu. K. Tolstoy immediately noted that this kind of legislative position is “unstable”, since both features can be applied in respect of other rights, which do not necessarily relate to real rights. By the way, Yu. K. Tolstoy did not consider the feature of object as specifically characterizing the notion of the real right. He stressed that objects of real rights are not always reduced to a thing.

V. A. Belov provides his own detailed and well-reasoned understanding of real rights [6, pp. 38–39]. According to him, there are eight characteristics inherent in real rights. Firstly, they form the state of things (material welfare) belonging or the statics of property relations. Secondly, they are absolute. Thirdly, they provide the possessor with the opportunity of direct predomination over things and performance of active actions in their respect, as well as the possibility to remove of all the other parties from such predomination. Fourthly, these rights provide the powers of the authorized subject with passive obligations of the indefinite range of (all the other) persons. Fifthly, they enjoy absolute protection. Sixthly, their objects have individually defined features. Seventhly, they are defined in the law in terms of their content in an imperative way. Finally, they must be directly named real rights. V. A. Belov notes quite correctly that there is no need to include all of these features into the final definition. For example, the first feature, according to the author, “fails to be within the legal sphere”. The last three features are derived from the absolute nature of real rights. Without any harm to the definition, one can also exclude the fifth feature, as is believed by V. A. Belov. As a result of the sequestration according to the rules of formal logic, V. A. Belov has formulated a brief version of the definition of real rights: “These are civil absolute rights to things” [6, pp. 38–39].

An original view on understanding real rights was also expressed by O. N. Sadikov. He stressed that this term unites a large and practically important group of property rights that have existed for a long time. The term itself reflects the subject of such rights, including “various material values, starting with land and natural resources, production

родных ресурсов, производственных объектов, строений и, кончая предметами повседневного быта и денежными знаками». Таким образом, определяющим основание и первым признаком для выделения вещных прав, по О. Н. Садикову, является материальный объект, предопределяющий и практическое значение этих прав, и важные юридические особенности. Вторым критерием вещного права данный автор назвал возможность его субъекта непосредственно воздействовать на предмет. Третий признак цепочки критериев О. Н. Садикова – это бессрочность действия вещного права. Наконец, вещные права охарактеризованы автором как имеющее правовую защиту против всех третьих лиц, а значит, входящие в систему абсолютных вещных прав. Итогом рассуждений в данной концепции явился вывод, заключающийся в том, что «вещные права по своему юридическому содержанию являются достаточно широкими и дают носителям вещных прав большие возможности для реализации собственных правомочий и интересов» [13, с. 236].

Систему видовых отличительных признаков вещного права выстраивает А. Б. Бабаев в своей монографии «Система вещных прав» [5, с. 196–201]. Первым отличием данный автор считает интересы, заключенные в вещном праве. Здесь их он усматривает два: интерес в том, чтобы осуществлять с вещью какие-либо действия, извлекать из нее полезные свойства, а также интерес в сохранении такой возможности на протяжении максимально долгого времени. Вторым отличием он называет обязанных субъектов, противостоящих управомоченному обладателю вещного права. У всех обязанных, подчеркивается в концепции, одна и та же по содержанию и объему обязанность воздержания от действий. Третье отличие усматривается в способе индивидуализации, в который включается вид права, управомоченный субъект и предмет. В четвертых, вещное право должно обладать публичностью, соответственно, третьи лица должны иметь возможность узнать о его существовании и их пассивных обязанностях. Пятое отличие, в концепции А. Б. Бабаева, – это характер защиты. Здесь нарушителем может быть любое третье лицо, тогда как вещный иск вносится против строго определенного нарушителя. В итоге автор резюмирует, что вещные права обладают свойствами абсолютности, исключительности и публичности, существуют по поводу индивидуально-определенных вещей и снабжены вещно-правовыми свойствами защиты [5, с. 196–201].

Свою версию понимания вещного права излагает З. А. Ахметьянова. Признаков у вещного

права в ней шесть. Во-первых, автор подчеркивает, что вещное право обеспечивает связь субъекта с вещью и господство над ней. Во-вторых, возникает по поводу индивидуально-определенных вещей. В-третьих, субъект вещного права имеет возможность удовлетворить свой интерес без посредства других лиц. В-четвертых, эти права характеризуются обязанностью иных лиц не препятствовать субъекту в осуществлении принадлежащих правомочий. В-пятых, характеризуются абсолютным характером защиты. В-шестых, обладают свойством следования. З. А. Ахметьянова определяет вещные права как обеспеченные законом вид и меру возможного поведения субъекта в отношении определенной вещи [4, с. 16].

Описание научных источников, содержащих авторские подходы к пониманию вещного права возможно продолжать достаточно долго. При работе над проблемой мы насчитали, по крайней мере, двадцать пять различных определений этого понятия. Одни авторы подчеркивают, что вещное право – это возможность пользоваться индивидуально-определенной вещью [12, с. 602]. Другие характеризуют его как «известную меру господства лица над вещью» [30, с. 14]. Третьи подчеркивают, что вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещи [9, с. 87]. Есть понимание, что вещное право дает возможность личного господства над вещью [20, с. 178]. Получается, что не так много наберется примеров научного анализа понятия вещного права, тогда как «рабочих» определений, содержащихся в гражданско-правовой литературе, можно насчитать несколько десятков. Определенный итог развития учения о вещном праве попытались подвести разработчики проекта раздела второго ГК РФ, предложив в качестве определения следующую формулировку: «Вещное право предоставляет лицу непосредственное господство над вещью и является основанием осуществления вмести или по отдельности правомочий владения, пользования и распоряжения ею в пределах, установленных Гражданским кодексом».

Какие выводы можно сделать из проведенного обзора различных подходов к пониманию вещного права? Во-первых, современные цивилисты, хотя и не предлагают качественно новых подходов к характеристикам вещного права, но и не совпадают во взглядах на исследуемое понятие. Во-вторых, в цивилистической литературе аргументируется разное количество существенных признаков вещного права. Некоторые ученые ограничиваются двумя характерными отличиями, другие насчитывают их до десятка. В-третьих, авторы по-разному расставляют акценты в понимании категории. Значимость то

facilities, buildings, and ending with everyday life items and monetary signs”. Thus, according to O. N. Sadikov, the material object, predetermining both the practical significance of these rights and important legal features, determines the basis and is considered the first sign for the distinguishing of real rights. According to this author, the second sign of the real right is the possibility of its subject to directly affect the object. The third sign under O. N. Sadikov is the perpetuity of the action of real rights. Finally, real rights are characterized by the author as having legal protection against all the third parties, which means they are included in the system of absolute real rights. The result of reasoning in the framework of this concept was the conclusion that “real rights are sufficiently wide in terms of their legal content and give their owners great opportunities for the realization of their own powers and interests” [13, p. 236].

A system of specific distinctive features of real rights is developed by A. B. Babaev in his monograph “The system of real rights” [5, pp. 196–201]. The first distinction, according to the author, are the interests comprised in real rights. Here, he detects two of them: the interest in performing actions in respect of the thing, in extracting useful properties from it, and apart from that the interest in retaining such an opportunity for the longest time possible. The second difference are the obligated subjects (parties), who oppose the empowered owner of the real right. Those obligated, as is emphasized in the concept, have an obligation to refrain from certain actions, which is the same in content and scope for all of them. The third difference is considered in the method of individualization, which includes the form of the right, the authorized subject and the object. Fourth, the real right should be public, consequently, all the third parties should be able to learn about its existence and their passive obligations. The fifth difference in A. B. Babaev’s concept is the nature of the protection. Here, any third party can be an infringer, while a real action is filed against a strictly defined party. The author summarizes that real rights have the properties of absoluteness, exclusivity and publicity, exist in connection with individually-defined things and are equipped with the means of legal protection of property [5, pp. 196–201].

Z. A. Ahmetyanova gives her own version of understanding the real right. There are six attributes of real rights in it. First, the author emphasizes that

the real right ensures the connection of the subject with the thing and his predominance over it. Second, it accrues in respect of the individually-defined things. Third, the subject of real right has the opportunity to satisfy his interest without the mediation of others. Fourth, these rights are characterized by the obligation of other parties not to impede the subject in exercising the powers that are held. Fifth, they are characterized by an absolute nature of protection. Sixth, they possess the following property. Z. A. Akhmetyanova defines real rights as a kind and measure of the subject’s possible behavior with respect to a certain thing provided for by law [4, p. 16].

The description of scientific sources containing author’s approaches to understanding of the real right can be continued long enough. When working on the problem, we counted at least twenty-five different definitions of the notion under study. Some authors emphasize that the real right is an opportunity to use an individually-defined thing [12, p. 602]. Others describe it as “a known measure of the domination of a person over a thing” [30, p. 14]. Still others emphasize that real rights form and fix the belonging of a thing [9, p. 87]. There is an understanding that the real right gives the possibility of personal domination over a thing [20, p. 178]. It appears that there are not many examples of scientific analysis of the notion of real right, whereas there are dozens of “working” definitions contained in civil law literature. The developers of the draft of the second section of the RF Civil Code tried to sum up the development of the theory of real rights by proposing the following wording as a definition: “The real rights gives a person a direct control over a thing and is the basis for exercising, together or separately, the powers of ownership, accommodation and disposal within the limits established by the Civil Code”.

What conclusions can be made based on the above review of the various approaches to understanding the real right? First, modern civilists, although they do not offer completely new approaches to the characteristics of real rights, but also do not coincide in their views on the concept under study. Second, there is a different number of essential features of the real right in civil literature. Some scientists limit themselves to two distinctive differences; others identify up to ten ones. Third, different authors highlight different key points in understanding the category. The significance of

или иного признака оценивается учеными неоднозначно. В-четвертых, несовпадение во взглядах может касаться любой из выделяемых характеристик, включая даже понимание объекта права. В-пятых, можно констатировать активную научную критику учеными друг друга, в том числе даже в рамках одной научной школы (например, научной школы МГУ, если иметь в виду взгляды на проблему Е. А. Суханова и В. А. Белова). Наконец, следует указать на несовпадение подходов к итоговым определениям. Они предлагаются разные – от объемных (развернутых), до предельно кратких.

Тем не менее из анализа многих точек зрения на понимание вещного права возможно создать собирательный портрет данной правовой конструкции, воплотив в нем все из описанных в литературе «оттенки» ее понимания. Итак, вещное право, во-первых, специфично своим объектом. Им выступает всегда вещь, которая является материальной и конкретной (индивидуально-определенной). Действительно, если нет вещи, то нет и самого права. Во-вторых, вещное право закрепляет принадлежность вещи и возможности лица по отношению к ней. Эта принадлежность может быть охарактеризована как некая внутренняя связь в конструкции. Она обеспечивает возможность использовать вещь непосредственно, осуществляя собственные действия, не прибегая к помощи других лиц. При этом возможности лица по отношению к вещи здесь не облекаются в конкретные правомочия, поскольку каждое вещное право характеризуется своей, описанной в законе «мерой господства». В-третьих, существенность роли внутренней связи лица и вещи доказывается возможностью извлечения из нее полезных свойств для удовлетворения потребностей. Как известно гражданское право – право потребностей, причем потребностей удовлетворенных. Вот почему именно возможности лица по отношению к вещи здесь могут быть охарактеризованы как главенствующие. В-четвертых, вещное право характеризуется внешней связью, которая опосредует обязанности третьих лиц. Для того чтобы эта связь была «налажена», состоялась, все третьи лица а) должны быть осведомлены о содержании и видах существующих вещных прав; б) пассивно воздерживаться от вторжения в сферу хозяйственного господства субъектов вещного права; в) отстраняться от вмешательства в случае нарушения установленных пределов и границ существующего вещного права. Потенциальная возможность вторжения всякого и каждого в сферу хозяйственного господства субъекта вещного права подчеркивает очевидную важность этой внешней связи в структуре

вещного права. В-пятых, вещное право защищено системой специальных вещно-правовых исков. Кроме того, вещное право обладает совокупностью свойств, таких как исключительность и право следования. Причем перечень этих свойств может уточняться по мере развития гражданско-правового регулирования вещно-правовых отношений.

С учетом выделенных обобщенных характеристик вещного права возможно дать оценку предложенному разработчиками проекта второго раздела ГК РФ легальному определению. Во-первых, внутренняя связь здесь представлена правомочиями владения, пользования и распоряжения, которые могут осуществляться в зависимости от вида права вместе или по отдельности. Аргументация именно такого подхода не представлена в отечественной цивилистике. Для включения в законодательство данного определения необходимо было предварительно доказать, что вещное право всегда складывается из правомочий владения, пользования и распоряжения, хотя конкретный «набор» правомочий всегда разный и зависит от конкретного вида права. Подобная аргументация содержится в трудах зарубежных цивилистов, например, в работах М. К. Сулейменова [25, с. 16–22], но она не является общепризнанной в отечественной науке гражданского права. Во-вторых, предложенная для включения в ГК РФ дефиниция вещного права не отражает внешнюю и тоже существенную связь обладателя вещного права со всеми третьими лицами. Она оказалась за пределами конструкции, хотя Ю. К. Толстой подчеркивал, что это «пассивное воздержание» не становится здесь менее значимым, имея в виду возможность всякого и каждого вторгнуться в сферу хозяйственного господства и его нарушить до полного отрицания. В-третьих, предлагаемое определение не содержит указания на объект права, тогда как общепризнано наукой, что таким здесь может выступать только материальная индивидуально-определенная вещь. Наконец, определение не включает указание и на абсолютный характер защиты системой вещно-правовых исков, тогда как именно в этой характеристике российской наукой гражданского права достигнуто почти полное единодушие.

Итак, при всем разнообразии характеристик и определений вещного права, как в современной, так и дореволюционной цивилистике, можно констатировать создание собирательного образа конструкции. Этот образ сложился, и его важно было воссоздать во всех оттенках разнообразия предлагаемых гражданско-правовой наукой подходов, что и являлось целью настоящей публикации.

one or another feature is evaluated by different scholars ambiguously. Fourth, the discrepancy in views may concern any of the identified features, including even the understanding of the object of the right. Fifth, there is active scientific criticism of each other by scholars, even within one and the same school of thought (for example, the MSU school of thought, if we bear in mind the views on the problem of E. A. Sukhanov and V. A. Belov). Finally, the fact that the approaches to the final definitions do not coincide is well worth mentioning. There are different variants of them – from voluminous (wide) to extremely short.

Nevertheless, it is possible to create a comprehensive portrait upon the analysis of many points of view on the understanding of real rights, having embodied all the “shades” of its understanding described in the literature. Thus, firstly, the legal right is specific due to its object, which is always a thing that is material and concrete (individually-defined). Indeed, if there is no thing, then there is no right. Secondly, the real right secures the belonging of a thing and the possibilities of a person in relation to it. This belonging can be characterized as some kind of internal connection in the construction. It provides the subject with an opportunity to exercise the accommodation right over the thing directly, performing his own actions, without resorting to the help of others. At the same time, the person’s capabilities in relation to a thing are not in the form of specific powers, since each real right is characterized by its own “degree of domination” described in the law. Thirdly, the importance of the internal connection between the person and the thing is proved by the possibility of extracting useful properties to satisfy the needs. As it is well-known, civil law is the law of needs, satisfied needs, that is. That is why the person’s capabilities in relation to the things here can be characterized as predominant. Fourthly, the real right is characterized by the external connection which mediates the obligations of the third parties. For this connection to be “established”, all the third parties a) should be aware of the content and types of the existing real rights, b) should passively refrain from interference into the sphere of economic dominance of subjects of real rights c) should stay away from the interference in case of violation of the established limits and boundaries of the existing real rights. The potential possibility of the invasion of everyone and anyone into the sphere of economic dominance of the subject of real rights emphasizes the obvious importance of this external connection in the struc-

ture of the real right. Fifthly, the real right is protected by a system of special property lawsuits (real actions). In addition, the real right possesses a combination of properties, such as exclusivity and the right of following. The list of these properties can be specified as civil regulation of the law of property relations develops.

Taking into account the outlined generalized features of real rights, it is possible to evaluate the legal definition proposed by the developers of the draft of the second section of the Civil Code of the Russian Federation. First, the internal connection here is represented by the powers of possession, accommodation and disposal, which can be exercised depending on the type of rights together or separately. Argumentation of this approach is not represented in the domestic science of civil law. In order to include this definition in the legislation, it was necessary first to prove beforehand that the real right always consists of the powers of possession, accommodation and disposal, although the specific “set” of powers is always different and depends on the specific type of right. Such reasoning is contained in works of foreign civilists, for example, M. K. Suleimenov [25, pp. 16–22], but it is not universally recognized in the domestic science of civil law. Second, the definition of real right proposed for inclusion in the Civil Code of the Russian Federation does not reflect the external and essential relationship between the real right holder and all the third parties. It turned out to be outside the concept, although Yu. K. Tolstoy stressed that this “passive abstinence” does not become less significant here, meaning the possibility of each and every one to invade the sphere of economic predominance and to violate it until it is completely denied. Third, the proposed definition does not contain an indication of the object of right, whereas it is generally accepted in science that it can only be a material individually-specified thing. Finally, the definition does not include an indication of the absolute nature of the protection of the system of property lawsuits, whereas it is in this characteristic that the Russian science of civil law achieved almost complete unanimity.

Thus, having taken into account the variety of features and definitions of real rights, both in modern and pre-revolutionary science of civil law, we can claim the creation of a comprehensive image of this concept. This image was formed, and it was important to create it in all the shades of the variety of approaches proposed by civil law science, which is the purpose of this paper.

Выводы

Во все времена великими мыслителями придавалось важное значение созданию понятийного аппарата. Именно в нем они видели суть изучаемых явлений, необходимые к выявлению наукой внутренние связи. Они призывали нас мыслить, уясняя природу вещей, познавая их суть, тем самым приближаясь к истине.

Философская наука создала целостное учение о понятиях и определениях, на котором обязана основываться любая, в том числе цивилистическая, наука. С точки зрения философии, чтобы результат размышления ученого по поводу исследуемого предмета именовался понятием, он должен отражать его действительную природу, внутреннюю сущность и связи, быть интеллектуальным сокращением изученного множества. Кульминацией работы ученого над понятием является выработка определения. Сформулировать научное определение – это значит, зафиксировать познанный в сжатой и явной форме. Следовательно, понятие и определение взаимосвязанные, но не тождественные явления.

Дореволюционная цивилистика выработала концептуальные положения понимания субъективного вещного права. Возможно сформулировать три итоговых вывода на основании созданных в то время концепций. Согласно первому, вещное право представляет собой единство положительной возможности и отрицательной обязанности. Эти два компонента объективно присущи данному понятию и, соответственно, нет необходимости в разрешении спора, какой из них является главным. Согласно второму выводу, положительная составляющая вещного права состоит в возможностях (господства, власти), которые предоставляются лицу (субъекту) по отношению к материальной вещи для удовлетворения его потребности в ней. При этом нормы гражданского права не должны исчерпывающе перечислять дозволения, ибо их истинное предназначение состоит в установлении пределов свободы осуществления права. Согласно третьему выводу, вещное право рождает отрицательную обязанность всех и каждого признавать возникшую вещно-правовую связь, не нарушать ее, в противном случае устанавливается возможность ее гражданско-правовой защиты от любого нарушителя.

Определенный вклад в развитии конструкции понятия вещного права и выработку его определения внесла современная цивилистическая наука. Анализ научных разработок современных авторов позволил заключить, во-первых, что, не предлагая качественно новых подходов к характеристикам вещного права, ученые не совпадают во взглядах на исследуе-

мое понятие. Во-вторых, в цивилистической литературе аргументируется разное количество сущностных признаков вещного права. Некоторые ученые ограничиваются двумя характерными отличиями, другие насчитывают их до десятка. В-третьих, по-разному авторы расставляют акценты в понимании категории. Значимость того или иного признака оценивается учеными неоднозначно. В-четвертых, можно констатировать активную научную критику учеными друг друга, в том числе даже в рамках одной научной школы. Наконец, следует указать на несовпадение подходов к итоговому определению. Они предлагаются разные – от объемных (развернутых), до предельно кратких.

На основе анализа многих точек зрения на понимание субъективного вещного права автором предлагается собирательный портрет данной конструкции. В нем воплотилось единство пяти неотъемлемых и сущностных его характеристик. Первая – это специфический объект, которым выступает всегда вещь, материальная и индивидуально-определенная. Вторая характеризует внутреннюю связь конструкции, обеспечивающую непосредственное использование вещи, посредством осуществления собственных действий, не прибегая к помощи других лиц. Третья – подчеркивает основополагающую роль внутренней связи лица и вещи, обеспечивающую возможность извлечения из нее полезных свойств для удовлетворения потребностей. Четвертая характеристика дается для обозначения внешней связи, также индивидуализирующей вещное право и опосредующей обязанности третьих лиц. Гражданско-правовое регулирование, делает вывод автор, обеспечивая эту внешнюю связь, создает возможности и предпосылки для осведомленности третьих лиц о содержании и видах вещных прав с целью пассивного воздержания от вторжения в сферу хозяйственного господства субъектов вещного права, а также предлагает механизм отстранения от вмешательства в случае нарушения установленных пределов и границ существующего вещного права. Наконец, неотъемлемой характеристикой вещного права является его эффективная защита системой специальных вещно-правовых исков. С учетом выделенных обобщенных характеристик вещного права в статье дана оценка предложенного разработчиками проекта второго раздела ГК РФ легального определения. Выявленные его недостатки свидетельствуют об актуальности подведения итогов развития отечественной цивилистики по данному вопросу и, соответственно, о необходимости воспроизведения в легальной конструкции всех достижений пройденного пути.

Conclusions

Since time immemorial the great thinkers have assigned high priority to the development of a conceptual framework. It was in it that they saw the essence of the phenomena studied, the internal connections subject to being revealed with the help of science. They urged us to think, comprehending the nature of things, learning their essence, thereby approaching the truth.

Philosophic science has created a whole doctrine of notions and definitions, on which any science, including, civil science, shall be based. From the philosophic perspective, for the result of a scientist's reflection on a subject matter to be called "notion", it has to reflect its real nature, inner essence and connections, and has to be an intellectual contraction of the studied multitude. The climax of a scientist's work on a notion is the development of a definition. To formulate a scientific definition is to fix the cognized in a condensed and explicit form. Consequently, the notion and the definition are interrelated but not identical phenomena.

Prerevolutionary civil law science developed conceptual provisions for understanding the real right. It is possible to formulate three final conclusions based on the concepts created at that time. First, the real right is a unity of the positive opportunity and negative obligation. These two components are objectively inherent in this notion and, accordingly, there is no need to resolve the dispute which one is the main one. Second, the positive component of the real right are the possibilities (predominance, power) that are given to the party (subject) in relation to the material thing to satisfy his need for it. However, the civil law provisions should not exhaustively list the permissions, for their true purpose is to establish the limits of the freedom to exercise the right. Third, real rights give rise to the negative obligation of each and every one to recognize the arising property legal connection, not to violate it, otherwise the possibility of its civil protection against any violator is established.

A certain contribution to the development of the concept of real right and the development of its definition has been made by modern civil science. The analysis of scientific developments of modern authors made it possible to conclude that, first, even without offering completely new approaches to the characteristics of the real right, scientists do not coincide in their views on the term under investigation. Second, in civil literature there are given dif-

ferent numbers of essential features of the real right. Some scientists limit themselves to two distinctive differences; others identify up to ten ones. Third, different authors highlight different key points in understanding the category. The significance of one or another feature is evaluated by different scholars ambiguously. Fourth, there is an active scientific criticism of scientists by each other, even including within one and the same school of thought. It should be pointed out that the approaches to the final definition do not coincide. There are different variants of them – from voluminous (wide) to extremely short.

Based on the analysis of many points of view on the understanding of the real right, the author presents a comprehensive portrait of this construction, which embodies the unity of its five essential and indispensable features. The first one is the specific object, which is always a thing, material and individually-defined. The second characterizes the internal connection of the concept, ensuring the direct use of the thing through performing one's own actions, without resorting to the help of others. The third emphasizes the fundamental role of the internal connection between the person and the thing, providing the possibility of extracting the useful properties from it to satisfy the needs. The fourth feature is given to designate the external connection, which also individualizes the real right and mediates the obligations of the third parties. As the author concludes, civil law regulation upon providing this external connection creates opportunities and prerequisites for the awareness of the third parties about the content and types of real rights with a view to passive abstention from intrusion into the sphere of economic predominance of subjects of the real right, and also proposes a mechanism for removing from interference in the event of infringement of the established limits and boundaries of the existing real rights. Finally, the feature inherent in the real right is its effective protection by a system of special property lawsuits. Taking into account the highlighted generalized characteristics of real rights, the article provides an assessment of the legal definition from the second section of the Civil Code of the Russian Federation, proposed by the draft developers. The revealed shortcomings of the definition show that the development of the national civil science ideas concerning this issue urgently demands some consolidation, with all the achievements of this development being embodied in the legal concept.

Библиографический список

1. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 1: Введение и Общая часть. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 672 с.
2. Аристотель. Трактат о душе. М.: Мысль, 1976. 105 с.
3. Аристотель. Метафизика. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
4. Ахметьянова З. А. Вещное право: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 77 с.
5. Бабаев А. Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2007. 408 с.
6. Белов В. А. Очерки вещного права. М.: Юрайт, 2015. 332 с.
7. Бэкон Ф. Новый Органон. Л.: ОГИЗ – СОЦЭКИЗ, 1935. 384 с.
8. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. Вып. II. Вещное право. СПб., 1896. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_28.html#46 (дата обращения: 03.04.2017).
9. Вронская М. В. Гражданское право: учебник. Владивосток: ВГУЭС, 2015. 410 с.
10. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 496 с.
11. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. Т. 1. 632 с.
12. Гражданское право: учебник; в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. М.: ТК «Велби», 2008. Т. 1. 1008 с.
13. Гражданское право Российской Федерации: учебник / под ред. О. Н. Садикова. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА -М», 2006. Т. 1. 493 с.
14. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
15. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
16. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 712 с.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 29. 780 с.
18. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. 831 с. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_28.html#39 (дата обращения: 03.04.2017).
19. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вещные права. М.: Статут, 2002. 800 с. (Классика рос. цивилистики). URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_26.html#36 (дата обращения: 03.04.2017).
20. Рассолова Т. М. Гражданское право: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 847 с.
21. Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. 1: Общая часть. Вещное право. Авторское право. Киев, 1917. 568 с.
22. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. М.: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
23. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М.: Университетская тип. (М. Катковъ) на Страстном бульваре, 1880. 435 с.
24. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: Акад. проект, 2015. 486 с.
25. Сулейменов М. К. Вещные права в Республике Казахстан. Алматы: Жеті жарғы, 1999. 360 с.
26. Фейербах Л. А. История философии // Собр. произведений: в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 542 с.
27. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энцикл., 1983. 840 с.
28. Франк С. Л. Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 169 с.
29. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. 827 с.
30. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. 461 с.
31. Щенникова Л. В. Вещное право в Гражданском кодексе: вопросы практикующего юриста законодателю // Законодательство. 2000. № 10. С. 12–16.

References

1. Annenkov K. N. *Systema russkogo grazhdanskogo prava* [The System of Russian Civil Law]. Vol. 1. *Vvedeniye I obshchaya chast'* [Introduction and General Part]. St. Petersburg, 1899. 672 p. (In Russ.).
2. Aristotle. *Traktat o dushe* [Treatise “On the Soul”]. Moscow, 1976. 105 p. (In Russ.).
3. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, 2006. 232 p. (In Russ.).
4. Akhmet'yanova Z. A. *Veshchnoe parvo: ucheb. posobie* [Property Law: Textbook]. Kazan, 2014. 77 p. (In Russ.).
5. Babaev A. B. *Sistema veshchnykh prav* [The System of Property Rights]. Moscow, 2007. 408 p. (In Russ.).
6. Belov V. A. *Ocherki veshchnogo prava* [Essays on Property Law]. Moscow, 2015. 332 p. (In Russ.).
7. Bacon F. *Novyi Organon* [The New Organon]. Leningrad, 1935. 384 p. (In Russ.).
8. Vas'kovskiy E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook of Civil Law]. Issue II. *Veshchnoe pravo* [Property Law]. St. Petersburg, 1896. Available at: <http://civil.con>

References

1. Annenkov K. N. *Systema russkogo grazhdanskogo prava* [The System of Russian Civil Law]. Vol. 1. *Vvedeniye I obshchaya chast'* [Introduction and General Part]. St. Petersburg, 1899. 672 p. (In Russ.).
2. Aristotle. *Traktat o dushe* [Treatise “On the Soul”]. Moscow, 1976. 105 p. (In Russ.).
3. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, 2006. 232 p. (In Russ.).
4. Akhmet'yanova Z. A. *Veshchnoe parvo: ucheb. posobie* [Property Law: Textbook]. Kazan, 2014. 77 p. (In Russ.).
5. Babaev A. B. *Sistema veshchnykh prav* [The System of Property Rights]. Moscow, 2007. 408 p. (In Russ.).
6. Belov V. A. *Ocherki veshchnogo prava* [Essays on Property Law]. Moscow, 2015. 332 p. (In Russ.).
7. Bacon F. *Novyi Organon* [The New Organon]. Leningrad, 1935. 384 p. (In Russ.).
8. Vas'kovskiy E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook of Civil Law]. Issue II. *Veshchnoe pravo* [Property Law]. St. Petersburg, 1896. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_28.html#46 (accessed 03.04.2017). (In Russ.).
9. Vronskaya M. V. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik* [Civil Law: Textbook]. Vladivostok, 2015. 410 p. (In Russ.).
10. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t.* [Civil law: in 4 vols.]. Vol. 2: *Veshchnoe parvo. Nasledstvennoe parvo. Isklyuchitel'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava* [Property Law. Succession Law. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights; ed. by E. A. Sukhanov]. Moscow, 2005. 496 p. (In Russ.).
11. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Vol. 1. Moscow, 2001. 632 p. (In Russ.).
12. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik; v 3 t.* [Civil Law: Textbook. In 3 vols.; ed. by A. P. Sergeev]. Vol. 1. Moscow, 2008. 1008 p. (In Russ.).
13. *Grazhdanskoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik* [Civil Law of the Russian Federation: Textbook; ed. by O. N. Sadikov]. Vol. 1. Moscow, 2006. 493 p. (In Russ.).
14. Descartes R. *Pervonachala filosofii* [Principles of Philosophy]. *Sochineniya* [Works: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1989. 654 p. (In Russ.).
15. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika* [Dialectical Logic]. Moscow, 1984. 320 p. (In Russ.).
16. Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow, 1980. 712 p. (In Russ.).
17. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 29. Moscow, 1973. 780 p. (In Russ.).
18. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law: in 2 parts]. Moscow, 2003. 831 p. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_28.html#39 (accessed 03.04.2017). (In Russ.).
19. Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [The Course of Civil Law. Part One: Patrimonial Rights]. Moscow, 2002. 800 p. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_26.html#36 (accessed 03.04.2017). (In Russ.).
20. Rassolova T. M. *Grazhdanskoe parvo* [Civil Law: Textbook]. Moscow, 2012. 847 p. (In Russ.).
21. Sinayskiy V. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Issue 1. *Obshchaya chast'. Veshchnoe parvo. Avtorskoe pravo* [The General Part. Property Law. Copyright]. Kiev, 1917. 568 p. (In Russ.).
22. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [The Modern Philosophical Dictionary; ed. by V. E. Ke-merov]. Moscow, 1998. 1064 p. (In Russ.).
23. Solov'ev V. S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of Abstract Principles]. Moscow, 1880. 435 p. (In Russ.).
24. Spinoza B. *Bogoslovsko-politicheskiy traktat* [Theologico-Political Treatise]. Moscow, 2015. 486 p. (In Russ.).
25. Suleymenov M. K. *Veshchnye prava v respublike Kazakhstan* [Real Rights in the Republic of Kazakhstan]. Almaty. 1999. 360 p. (In Russ.).
26. Feuerbach L. A. *Istoriya filosofii: Sobranie proizvedeniy* [History of Philosophy. Collected Works in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1974. 542 p. (In Russ.).
27. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1983. 840 p. (In Russ.).
28. Frank S. L. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Brussels, 1976. 169 p. (In Russ.).
29. Engels F. *Anti-Dyuring* [Anti-Dühring]. Marx K. and Engels F. *Sochineniya* [Collected Works. In 39 vols.]. Vol. 20. Moscow, 1961. 827 p. (In Russ.).
30. Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, 2005. 461 p. (In Russ.).
31. Schennikova L. V. *Veshchnoe parvo v Grazhdanskom kodekse: voprosy praktikuyushchego yurista zakonodatelyu* [Property Law in the Civil Code: Practicing Lawyer's Questions to the Legislator]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. 2000. Issue 10. Pp. 12–16. (In Russ.).

- sultant.ru/elib/books/24/page_28.html#46 (accessed 03.04.2017). (In Russ.).
9. Vronskaya M. V. *Grazhdanskoe pravo: ucheb-nik* [Civil Law: Textbook]. Vladivostok, 2015. 410 p. (In Russ.).
 10. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t.* [Civil law: in 4 vols.]. Vol. 2: *Veshchnoe parvo. Nasledstvennoe parvo. Isklyuchitel'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava* [Property Law. Succession Law. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights; ed. by E. A. Sukhanov]. Moscow, 2005. 496 p. (In Russ.).
 11. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Vol. 1. Moscow, 2001. 632 p. (In Russ.).
 12. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik; v 3 t.* [Civil Law: Textbook. In 3 vols.; ed. by A. P. Sergeev]. Vol. 1. Moscow, 2008. 1008 p. (In Russ.).
 13. *Grazhdanskoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik* [Civil Law of the Russian Federation: Textbook; ed. by O. N. Sadikov]. Vol. 1. Moscow, 2006. 493 p. (In Russ.).
 14. *Descartes R. Pervonachala filosofii* [Principles of Philosophy]. *Sochineniya* [Works: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1989. 654 p. (In Russ.).
 15. *Il'enkov E. V. Dialekticheskaya logika* [Dialectical Logic]. Moscow, 1984. 320 p. (In Russ.).
 16. *Kant I. Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow, 1980. 712 p. (In Russ.).
 17. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 29. Moscow, 1973. 780 p. (In Russ.).
 18. *Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law: in 2 parts]. Moscow, 2003. 831 p. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_28.html#39 (accessed 03.04.2017). (In Russ.).
 19. *Pobedonostsev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [The Course of Civil Law. Part One: Patrimonial Rights]. Moscow, 2002. 800 p. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_26.html#36 (accessed 03.04.2017). (In Russ.).
 20. *Rassolova T. M. Grazhdanskoe parvo* [Civil Law: Textbook]. Moscow, 2012. 847 p. (In Russ.).
 21. *Sinayskiy V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Issue 1. *Obshchaya chast'. Veshchnoe parvo. Avtorskoe pravo* [The General Part. Property Law. Copyright]. Kiev, 1917. 568 p. (In Russ.).
 22. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [The Modern Philosophical Dictionary; ed. by V. E. Kemerov]. Moscow, 1998. 1064 p. (In Russ.).
 23. *Solov'ev V. S. Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of Abstract Principles]. Moscow, 1880. 435 p. (In Russ.).
 24. *Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskiy traktat* [Theologico-Political Treatise]. Moscow, 2015. 486 p. (In Russ.).
 25. *Suleymenov M. K. Veshchnye prava v respublike Kazakhstan* [Real Rights in the Republic of Kazakhstan]. Almaty. 1999. 360 p. (In Russ.).
 26. *Feuerbach L. A. Istoriya filosofii: Sobranie proizvedeniy* [History of Philosophy. Collected Works in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1974. 542 p. (In Russ.).
 27. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1983. 840 p. (In Russ.).
 28. *Frank S. L. Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Brussels, 1976. 169 p. (In Russ.).
 29. *Engels F. Anti-Dyuring* [Anti-Dühring]. Marx K. and Engels F. *Sochineniya* [Collected Works. In 39 vols.]. Vol. 20. Moscow, 1961. 827 p. (In Russ.).
 30. *Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, 2005. 461 p. (In Russ.).
 31. *Schennikova L. V. Veshchnoe parvo v Grazhdanskom kodekse: voprosy praktikuyushchego yurista zakonodatelyu* [Property Law in the Civil Code: Practicing Lawyer's Questions to the Legislator]. *Zakonodatel'stvo* – Legislation. 2000. Issue 10. Pp. 12–16. (In Russ.).

References in Russian

1. *Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 1: Введение и Общая часть.* СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 672 с.
2. *Аристотель. Трактат о душе.* М.: Мысль, 1976. 105 с.
3. *Аристотель. Метафизика.* М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
4. *Ахметьянова З. А. Вещное право: учеб. пособие.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 77 с.
5. *Бабаев А. Б. Система вещных прав.* М.: Волтерс Клувер, 2007. 408 с.
6. *Белов В. А. Очерки вещного права.* М.: Юрайт, 2015. 332 с.
7. *Бэкон Ф. Новый Органон.* Л.: ОГИЗ – СОЦЭГ ИЗ, 1935. 384 с.
8. *Васьковский Е. В. Учебник гражданского права.* Вып. II. Вещное право. СПб., 1896. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_28.html#46 (дата обращения: 03.04.2017).
9. *Вронская М. В. Гражданское право: учебник.* Владивосток: ВГУЭС, 2015. 410 с.
10. *Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов.* М.: Волтерс Клувер, 2005. 496 с.
11. *Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого.* М.: ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. Т. 1. 632 с.
12. *Гражданское право: учебник; в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева.* М.: ТК «Велби», 2008. Т. 1. 1008 с.
13. *Гражданское право Российской Федерации: учебник / под ред. О. Н. Садикова.* М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006. Т. 1. 493 с.
14. *Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.*
15. *Ильенков Э. В. Дialeктическая логика.* М.: Политиздат, 1984. 320 с.
16. *Кант И. Трактаты и письма.* М.: Наука, 1980. 712 с.
17. *Ленин В. И. Полное собрание сочинений.* М.: Изд-во политической лититратуры, 1973. Т. 29. 780 с.
18. *Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. 831 с.* URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_28.html#39 (дата обращения: 03.04.2017).
19. *Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права.* М.: Статут, 2002. 800 с. (Классика рос. цивилистики). URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_26.html#36 (дата обращения: 03.04.2017).
20. *Рассолова Т. М. Гражданское право: учебник.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 847 с.
21. *Синайский В. И. Русское гражданское право.* Вып. 1: Общая часть. Вещное право. Авторское право. Киев, 1917. 568 с.
22. *Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова.* М.: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
23. *Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал.* М.: Университетская тип. (М. Катковъ) на Страстном бульваре, 1880. 435 с.
24. *Спиноза Б. Богословско-политический трактат.* М.: Акад. проект, 2015. 486 с.
25. *Сулейменов М. К. Вещные права в Республике Казахстан.* Алматы: Жеті жарғы, 1999. 360 с.
26. *Фейербах Л. А. История философии // Собр. произведений: в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 542 с.*
27. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энцикл., 1983. 840 с.
28. *Франк С. Л. Смысл жизни.* Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 169 с.
29. *Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. 827 с.*
30. *Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права.* М.: Статут, 2005. 461 с.
32. *Щенникова Л. В. Вещное право в Гражданском кодексе: вопросы практикующего юриста законодателю // Законодательство. 2000. № 10. С. 12–16.*